СЕМЕН КОЧЧИЛОВИЧ

ГИБЕЛЬ ИУДЕИ

Семен Кончилович

Гибель Иудеи

«Остеон-Групп»

1900

Кончилович С. И.

Гибель Иудеи / С. И. Кончилович — «Остеон-Групп» , 1900

ISBN 978-5-85689-123-1

В этом историческом романе перед читателем предстаёт Рим первого века нашей эры; на дальних границах Империи идёт Иудейская война. Времена Веспасиана и Тита, времена зарождения новой, непризнанной религии, которой суждено покорить половину мира, времена новых пророков и лже-пророков; времена, в которые ожидается кончина мира, и железная поступь римских легионов только убеждает в том, что эта кончина не за горами.

ISBN 978-5-85689-123-1

© Кончилович С. И., 1900
© «Остеон-Групп» , 1900

Содержание

I 5
II 10
III 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Семен Илларионович Кончилович
Гибель Иудеи

I

Гавань небольшого городка Путеол в Неаполитанском заливе служила центром торговли на Средиземном море. Здесь обычно стояли корабли, привозившие товары для громадного рынка на Тибре из Египта и Малой Азии, с берегов Черного моря, из Африки и западных провинций Римской империи. Громадные трифемы и легкие небольшие суда то и дело входили и выходили из гавани; в бесконечных складах ее нагромождены были товары всех стран и народов.

В конце марта 71 года в Путеолах царило необычайное оживление. В гавани стояла на якоре флотилия военных кораблей, прибывших ночью из Александрии и только начинающих высадку. Дома, гавань и все предместье украшены были зелеными венками и пестрыми коврами. На месте высадки войск из свежих цветов устроена была красивая триумфальная арка, около которой, как и дальше по всему берегу гавани, толпилось множество народу, с нетерпением ожидающего того момента, когда высадится на берег победоносный полководец.

Покорение Иудеи, осада и разрушение Иерусалима были в глазах современников одним из самых блестящих военных деяний Римской истории. Еще ни один народ не боролся с такою отчаянною храбростью за свою независимость, ни одна война не стоила стольких жертв и столько крови. Иерусалимский храм, знаменитейшая после храма Дианы в Ефесе святыня Востока, вместе с самим городом был полностью разрушен. Поэтому, когда Тит, сын императора Веспасиана, с многочисленными пленниками возвращался через Александрию в Италию, народ приветствовал его, как увенчанного славой победителя, и торжество в Путеолах было лишь преддверием того блестящего триумфа, который ожидал римского полководца в столице на семи холмах.

Наконец золоченая лодка, украшенная венками и цветными лентами, на которой находился полководец, приблизилась к берегу. В других лодках находились военные легаты и начальники триб, разделявшие с Титом торжество. Но глаза всех устремлены были только на Тита; к нему одному относились ликование и победные крики, которые далеко разносились по заливу.

Круглое лицо с чуть изогнутым носом и дружеская улыбка Тита были так доброжелательны и приветливы, настолько были чужды жестокости, что многие, видевшие его в первый раз, удивленно спрашивали себя: неужели этот человек вел кровавую войну и столько раз сам изумлял своей храбростью на поле боя. На нем была гладко прилегавшая туника ярко-красного цвета, поверх нее перекинут был через правое плечо плащ с золотой застежкой.

В свите Тита находился человек, принадлежавший к побежденному иудейскому народу. Это был Иосиф Флавий, который некоторое время руководил обороной в осажденном городе, но, видя неизбежную гибель Иерусалима, перебежал к римлянам. Ласково принятый Титом, он в скором времени заслужил его доверие; еще в лагере под Иерусалимом он начал писать свою историю иудейской войны, являвшуюся прославлением победителя. Иудей Иосиф, принявший римское фамильное имя Тита, был несколькими годами старше самого Тита; резкие черты лица и поседевшие раньше времени волосы свидетельствовали о том, что он перенес…

После Тита наибольший интерес у собравшейся в гавани толпы возбуждал пленный царь Иудеи. Когда он, полунагой, с цепями на шее и руках, вышел на берег, солдатам пришлось употребить силу, чтобы удержать толпу, которая готова была растерзать его. Обливаясь кро-

вью, осыпаемый градом ругательств и насмешек, скорее полумертвый, чем живой, дошел он до темницы, откуда в ближайший день должен был отправиться на верную смерть в Рим.

В то время, как легионы, получившие перед этим несколько дней отдыха, из Путеол, вместе с пленниками и богатой добычей, направились по Аппиевой дороге в Рим, Тит, оставив их, поспешил явиться к своему царственному отцу в его дворец в горном предместье Сабин.

Было много важных вопросов, которые Веспасиан желал обсудить с сыном. После жестокого царствования Нерона три соперника: Гальба, Оттон и Вителий, в борьбе за право владеть миром, готовы были навлечь новое бедствие на Рим, если бы, к счастью, палестинские легионы не провозгласили цезарем Веспасиана. Действительно, столица приняла победителя с радостью; однако старый римский орел подозрительно смотрел на быстрое возвышение человека из Сабинских гор. Казна была истощена, торговля и экономика расшатаны, порядок и спокойствие, необходимые условия для всякой плодотворной деятельности, предстояло еще восстановить. К тому же из Азии приходили тревожные вести: дикие кочевые племена готовились к новому нападению на римские провинции. При этом положении дел так необходимы были цезарю преданные и вместе опытные люди, и как мало было таких, на которых можно было всецело положиться!

– Единственный человек, – проговорил Веспасиан с досадой, – на которого я мог бы рассчитывать, – это твой помощник, Муций. Но ты лучше меня знаешь, с каким удовольствием эта упорная лошадь может сбросить в яму и колесницу, и кучера. Мой брат, Климент, – продолжал цезарь, мрачно насупившись, – мог бы помочь мне, но с некоторого времени он совершенно удалился от общественных дел.

– Я в Риме явлюсь прежде всего к нему, – сказал Тит, – и постараюсь убедить его, чтобы он в интересах нашего рода принял на себя одну из важнейших должностей. Климент столь же умен, сколь и энергичен, и нам никак не обойтись без его помощи.

– Да, но он упрям как мул; уж если он не захочет чего сделать, то не сделает ни за какие блага, – раздраженно сказал цезарь. – Отчего, однако, произошла с ним такая перемена, я не знаю. Прежде это был честолюбивый человек. Теперь же на все мои предложения он отвечает упорным отказом. Я не буду удивлен, если его не будет при нашем триумфальном шествии.

– Но почему, – воскликнул Тит, – почему он стал так чуждаться людей? Что у него, денежные дела плохи? Или он с женой не ладит? Может быть, он нездоров?

– Нет, – усмехнулся цезарь. – У него особый род помешательства. Он принимает у себя бедняков и калек и хочет посвятить всему этому отребью свою жизнь. Представь себе, он устраивает даже в доме какие-то собрания из престарелых мужчин и женщин.

– Тогда нужно назначить над ним опеку.

– И вот, в то время, как этот человек, который должен бы служить у меня правой рукой, впал в позорную бездеятельность, – продолжал цезарь с негодованием, – твой брат Домициан, которому недостает столько же ума, сколько и опыта, с ненасытным тщеславием стремится все к большим и большим должностям. Он мне противен, как старое и кислое вино, которого я никогда не мог пить. Думаю, что бессмертные боги все же отдалят тот день, когда Домициан станет моим и твоим преемником.

* * *

На следующий день Тит отправился в Рим, чтобы посетить Климента. Но первым, кого он посетил в столице, был не его дядя.

Ирод Агриппа II, получивший от своего отца титул царя Галилеи, был в дружеских отношениях с Веспасианом и его сыном. Он и после покорения Иудеи удержал свое царское достоинство, управляя своею областью, как и раньше, из Рима, где у него был свой двор. Его сестра Береника, царица Киликии, отличалась замечательной красотой и умом. В кругу высшей рим-

ской знати она задавала тон и предписывала моды. Иудейского у ней было только имя. Она придерживалась предписаний закона Моисеева и соблюдала иудейские праздники, но это делали многие римские матроны, называемые прозелитками врат.

Именно к Беренике и спешил сейчас Тит. После короткого супружества он успел лишиться и второй жены. Римляне знали, что красивая и умная Береника покорила его сердце.

Ирод вместе с сестрой жил в Авентинском дворце, принадлежавшем казне, который уступил им Веспасиан. Из дворца открывался чудный вид на цепь Ватиканских гор и на Тибр, кативший свои желтые воды, внизу же расстилалась бесконечно разнообразная жизнь Эмпориума, где из многочисленных кораблей выгружались товары.

Дворец был обставлен с царской роскошью; находившиеся в глубине его покои царицы имели все, что только богатство и искусство способны были создать во дворцах римских сенаторов. В комнате, которая была предназначена Береникой для приема Тита, мягкие персидские ковры покрывали пол; на окнах висели пурпуровые занавеси из Тира; выточенные из слоновой кости языческие божки поддерживали столы, верх которых состоял из сплошного ствола кипариса; сделанные из золота и слоновой кости сиденья покрыты были коврами. В библиотеке можно было найти все новейшие рукописи и между ними стихотворения, в которых поэты воспевали саму Беренику.

Береника была олицетворением восточной красоты, полной очарования и жизни. Густые, черные с отливом волосы, поддерживаемые спереди золотой пряжкой, роскошными локонами ниспадали на плечи; черные глаза, тонко очерченный нос и губы, очаровательная улыбка, стройный стан – все было исполнено красоты и изящества.

Царица старалась подавить волнение, с каким она ожидала теперь прихода Тита.

Она его увидела в первый раз в прошлом году в Иудее, во время посещения ею вместе с братом лагеря римлян под Иерусалимом. Тит поражен был ее красотой. Письмо, которое он ей написал, и подарки, им посланные, не оставляли никакого сомнения, что он в нее страстно влюбился. Береника ответила ему взаимностью, так как на нее повлияли и красота сына цезаря, и его мужественный характер, вполне соответствовавший его героическим поступкам, а главное – ее прельщала мысль стать царицей Римской империи. Когда ей впервые пришла в голову эта мысль, Береника даже испугалась, но впоследствии она овладела всем ее существом: это стало для нее теперь непременной целью, для достижения которой она готова была употребить все свои силы и все свое обаяние. С этой целью она поспешила в Рим прежде, чем туда прибудет Тит; она приложила также все старание, чтобы расположить к себе Веспасиана и старую царицу, и ей, кажется, удалось это достигнуть.

Когда Тит выходил из дворца Августа на Палатине, резиденции цезарей, чтобы отправиться к Беренике, ему встретились две женщины, молодая матрона и сопровождавшая ее рабыня – иудейка, при взгляде на которых он невольно остановился. Неужели это Домицилла, дочь его племянницы Плаутиллы? Когда он за два года перед этим отправлялся с войсками в Иудею, она была еще маленькой девочкой: в какой пышный цветок превратилась теперь она.

Тит ласково поприветствовал свою родственницу и передал ей привет от ее отца, который остался с войсками, находившимися в Иерусалиме.

– Я боюсь теперь задержать тебя, – сказала Домицилла, – но в другой раз ты должен мне рассказать о нем подробно.

Тит обещал и на прощанье прибавил несколько любезных слов, от которых она зарделась легким румянцем. Он пошел дальше, но ее милый образ долгое время не покидал его.

* * *

Клименту было около 30 лет; это был красивый, статный мужчина, с приятным выражением лица, даже более приятным, чем у Тита, с которым он вообще имел много сходства.

Несколько лет назад он женился на своей родственнице, которая подарила ему двух мальчиков, составляющих радость и надежду родителей.

Когда Веспасиан отдавал ему в жены свою внучку Флавию, которой едва минуло 16 лет, он рассчитывал, что она своим честолюбием и стремлением к светской жизни заставит мужа выйти из его прежней бездеятельности.

– Не твой ли отец, – спросила однажды Флавия своего мужа с досадой, чувствуя, что все ее усилия ни к чему не приводят, – был префектом в столице, и не его ли еще до сих пор хвалят за доброту и участливость? Разве мало таких, которые благодаря ему остались целы, хотя жизнь их висела на волоске при Нероне? Почему же ты не хочешь последовать примеру отца?

– Моя радость, – отвечал ей Климент после некоторого раздумья, – я должен открыть тебе нечто такое, чего ты до сих пор не могла бы перенести, но что объяснит тебе мое поведение. Я христианин. Как христианин, я не только считаю безумием признавать наших богов и богинь, но я их презираю, потому что они вредят славе единого истинного Бога, которого я почитаю. Я не мог бы занимать ни одной общественной должности без того, чтобы не участвовать в празднествах и жертвоприношениях этим ложным богам.

Жена с изумлением смотрела на него: ее муж христианин?

– Не может быть, – произнесла она наконец, – чтобы ты серьезно верил заблуждениям секты, которая презреннее, чем иудеи.

– Ты восхваляла моего отца, – отвечал Климент, – и по заслугам. Он справедливо заслужил уважение. Он тоже был христианином.

Флавия от изумления не находила слов.

– И если он, – продолжал Климент, – в последние дни своей жизни удалился от всяких дел, что ему также ставили в вину, то теперь ты знаешь, почему он так сделал.

С этого дня Флавия больше не пыталась уговаривать своего мужа. К счастью, она имела уступчивый характер и умела подчиняться необходимости. Климент же был настолько добр, настолько благороден, настолько высоко влиял на ее сердце и ум, что это юное создание должно было наконец привязаться к нему. Чтобы угодить ему, Флавия постепенно стала отказываться от всего, что прежде доставляло ей удовольствие и о чем раньше она всегда мечтала; она даже перестала посещать театр и зрелища. Но какую трудную внутреннюю борьбу пришлось ей перенести, пока она достигла понимания христианских истин и учения о едином Боге, пока она, любившая удовольствия жизни, научилась находить радость, мир и счастье в спокойной домашней жизни и в служении бедным и несчастным! Конечно, ей никогда не удалось бы превозмочь себя, если бы не пример мужа. С возрастающей любовью и уважением она смотрела на него; он был для нее наставником и отцом, и если она открывала ему все малейшие движения своей души, то со своей стороны и он делал ее, и только одну ее, поверенной своих сокровенных дум. Она гордилась тем, что одна всецело знает душу мужа, и считала его для себя лучше всех других.

В тот самый день, когда Тит направился из виллы на Сабинских горах в Рим, туда после нескольких дней путешествия по Аппиевой дороге прибыл Иосиф Флавий.

У гробницы Цецилии Метеллы Иосиф Флавий остановился, чтобы окинуть взором расстилающуюся перед ним панораму Рима. На вершине Капитолия по одну сторону возвышалась крепость, по другую – храм Юпитера, сверкавший белизной мрамора и крышей из бронзовых черепиц. Прямо напротив – на Палатине – расположен был дворец цезаря, несколько правее – Лагеранский дворец, а дальше – целое море домов.

Глядя на храм Юпитера, Иосиф думал о храме Иерусалимском, который вместе со священным городом лежал в развалинах. Он присел на камень, переживая то, что некогда чувствовал пророк Иеремия. Иосиф шел в Рим, как член фамилии цезаря, но сколько тысяч его единоплеменников по той же Аппиевой дороге должны были идти в цепях рабов!

Медленно, с невыразимо тяжелым чувством направился он между гробницами, по обеим сторонам Аппиевой дороги, к городу. И чем дальше проходил он вперед по улицам Рима, через триумфальную арку Друза, мимо Палатинского холма, тем больше удивлялся могуществу римского народа. После нероновского пожара в каких-нибудь пять лет город вновь восстал, как феникс из пепла, храм стал еще великолепнее, дворец цезаря еще сказочнее. Форум с роскошными зданиями, статуями и колоннами, со всеми памятниками восьмивекового развития, все то, о чем он раньше лишь слышал, что он желал столько раз видеть, находилось теперь перед ним в изумляющем величии и красоте.

II

Уже в самом начале появления христианства в Риме было значительное количество иудеев. Юлий Цезарь обращался за их поддержкой во время восстания граждан, за что предоставил им разные льготы. После его убийства иудеи – рабы и свободные – явно выражали свое негодование. Август до того простер внимание к иудеям, что запретил публичные зрелища в субботу. Им же сделано было распоряжение, чтобы в Иерусалимском храме приносилась от его лица жертва, состоявшая из быка и двух ягнят. Его дочь, Юлия, одарила храм священными сосудами и другой утварью.

Особенно много приверженцев своей религии иудеи находили среди знатного и образованного римского общества, не верившего уже в ребяческие сказки о богах; некоторые из них совершенно переходили в иудейство, их называли прозелиты оправдания, большинство же были "боящимися Господа", признававшими единого Бога, но не исполнявшими всех предписаний закона Моисеева, называвшиеся прозелитами врат.

За исключением самых знатных и богатых иудеи не смешивались с языческим населением Рима. Они имели собственные кварталы в затибрской части, на Марсовом поле, в густо заселенной Субурре и на Аппиевой улице у Капенских ворот. Большинство из них занималось мелкой торговлей; многие были свободными по рождению, другие – вольноотпущенниками; иудейские же рабы были почти в каждом знатном доме. Несколько раз изгоняемые из столицы, они вскоре возвращались обратно. В царствование Нерона их насчитывалось от 20 до 30 тысяч.

Чем с большим беспокойством иудеи следили за сохранением своих преимуществ, тем легче возбуждался их религиозный фанатизм; они быстро воодушевлялись и увлекались, если кто-либо умел затронуть эти струны. В 4 году перед Рождеством Христовым в Рим прибыл какой-то человек, выдававший себя за Александра, сына Ирода, и все иудеи высыпали к нему навстречу, так что по улицам, где он проходил, нельзя было двигаться.

Когда в 42 году в Рим прибыл апостол Петр, он нашел здесь последователей христианства, обращенных в день Пятидесятницы в Иерусалиме. Появление его вызвало среди иудейского населения такое злобное возбуждение, что император Клавдий принужден был закрыть синагоги и в конце концов издал приказ о выселении всех иудеев из Рима.

Едва ли нужно говорить, какое сильное впечатление на иудеев в Риме должна была произвести иудейская война, осада и покорение Иерусалима, разрушение города и храма. Всякое новое известие о победе римского оружия было для каждого иудея ударом в сердце; вид пленных единоверцев на торговых рынках вызывал в них нестерпимейшую скорбь и ярость; Тит только по прошествии года решил совершить триумфальный въезд в Рим, боясь вызвать кровавое восстание со стороны побежденного народа.

Ко времени Рождества Христова ожидалось появление могущественного повелителя, который должен был явиться с Востока. Сами иудеи, будучи рассеяны по всем странам, распространяли среди язычников веру в скорое пришествие Мессии. Веспасиан, который провозглашен был императором на Востоке, в глазах римлян представлялся именно тем лицом, на котором исполнились эти ожидания. Среди иудеев даже разрушение Иерусалима не могло поколебать надежды на пришествие Мессии. Они верили, что Господь посылает для них столь великое бедствие лишь для того, чтобы тем явственнее проявить свое могущество пред всем миром. Ожидание Мессии и уверенность, что он скоро появится, никогда не были столь сильны, как в дни празднования триумфа Тита и Веспасиана.

Как раз в тот самый день, на который Тит и Веспасиан назначили свой триумфальный въезд, приходился праздник иудейской субботы. Столичный префект не без опасений разрешил обычное совершаемое накануне праздника богослужение, причем представители синагоги должны были поклясться жизнью, что во всем будут соблюдены порядок и спокойствие.

Однако перед синагогой выставлен был сильный отряд преторианцев со строгим приказом при малейшем возмущении со стороны иудеев действовать немедленно и без всякой пощады.

Верховным раввином синагоги был Аарон бен Анна, который перед этим в течение четырнадцати лет состоял первосвященником иерусалимского храма, когда главными первосвященниками были Анна и Каиафа. Его ученость и ревность к исполнению закона создали ему вполне заслуженную известность в римской столице. Ему было уже более 80 лет, но все же это был крепкий старик, одинаково уважаемый как взрослыми, так и юношами.

Как только стало известно в Риме, что Иерусалим разрушен, ни один иудей не надевал более праздничной одежды. И сегодня на богослужение субботы все явились в траурных одеждах, разорвав верхние из них и посыпав голову пеплом. Каждый чувствовал в глубине души, что их посетил гнев Божий. Опустив головы, сидели они безмолвно и ожидали, когда чтец получит священный свиток из рук седого Аарона бен Анны. Среди присутствовавших были и христиане иудейского происхождения; как ни велико было презрение, с каким римляне относились к секте назореев, однако положение среди чуждых им язычников заставляло иудеев искать единения друг с другом.

Верховный раввин назначил для чтения то место из книги Ездры, в котором говорилось о восстановлении Иерусалима и его храме после первого разрушения их Навуходоносором. Что еще могло в эти дни скорби утешить, как не напоминание о времени, когда Бог отцов возвратил свой народ из плена вавилонского и восстановил город вместе с его храмом из развалин?

Чтец развернул свиток и начал чтение: "Печально сидел я до времени приношения вечерней жертвы: затем я воспрянул от своей печали, разорвал на себе все одежды, преклонил колена, простер свои руки к Господу, Богу моему, и сказал: Господи, как отважиться мне, обращать к Тебе свое лицо? Потому что наши беззакония стали выше головы нашей, и грехи наши возросли до небес, от дней отцов наших. Но и сами мы также тяжко грешили до последнего дня, и вследствие наших беззаконий преданы мы, и цари наши, и наши первосвященники в руки царей языческих. О, если бы на одно мгновение наш вопль достиг Господа, Бога нашего; потому что мы рабы, но Господь наш не оставил нас в нашем рабстве".

По знаку раввина чтец свернул свиток, и после небольшой паузы Аарон бен Анна встал. Его длинная белая борода, выразительные черты лица и белая повязка на голове придавали ему величественный облик. В последнее время из-за преклонных лет он редко выступал со словом. Но сегодня, накануне триумфа победителей иудеев в Риме, нельзя было молчать.

– Для иных, – начал торжественно Аарон бен Анна, – преклонный возраст – благословение, для меня же оно проклятие… О, если бы я мог отойти к отцам моим, прежде чем пережить взывающее к небу бедствие! Иеремия для своей скорби находил слова, когда видел храм Соломона и священный город в развалинах. Встань теперь из гроба и приди в Рим, чтобы в немом ужасе умолкнуть перед тем морем бедствий, которое постигло нас! Нет, ты не видел таких потоков крови, какие льются теперь! Нет, в твои дни не свирепствовал с таким ужасом ни меч, ни голод, и трупы наших, братьев не были разбросаны по всем улицам и дорогам! Нет, тогда Господь не уничтожал так своей нивы, не опустошал так своего виноградника! Ты видел, как твой народ шел в оковах в Вавилон. Я же вижу, как все площади для продажи рабов переполнены сыновьями и дочерями моего народа! Ты видел храм Господа в развалинах, а стены и ворота священного города разломанными, но ты не видел всего этого, обращенного в прах и пепел! В твое время не вели Иудейского царя и первосвященника в цепях по улицам для поругания язычникам, тогда взгляды необрезанных не оскверняли твоей святыни! О, горе мне, который должен пережить все это! Господь напряг свой лук и все свои стрелы направил на дочь Сиона. Последняя стрела, отравленная горчайшим ядом, сразит нас, нас, которые…

Охваченный необычайно скорбью, рыдая, старец опустился на свое место. Вместе с ним рыдало и все собрание. Мужи разорвали одежды и склонили свои головы к коленам. Из верх-

него отделения для жен неслись раздирающие душу вопли и простирались руки к небу, они рвали на себе волосы.

Вдруг поднялся молодой человек и воскликнул: "Братья! Почему Израиль осужден на такие бедствия? Разве священники наши сделались жрецами Ваала, или народ наш стал поклоняться идолам? Нет, здесь другая причина, которая превратила гнев Господа в пожирающее пламя. То, что постигло нас, предсказано было тем, который изрек о Иерусалиме следующие слова: "Придет время, когда неприятель окружит тебя окопами, расположится вокруг твоих стен и станет теснить тебя. Он повергнет на землю тебя и твоих детей, живущих в тебе, и не оставит камня на камне, потому что ты не узнал времени спасения своего". Врача, который хотел исцелить нас, наши священники и народ сочли врагом, они повели его к Пилату и Избавителя Израиля умертвили на кресте. В этом, в этом единственно наша вина, что мы отвергли Мессию, Сына Божия Иисуса Христа!"

– Замолчи ты, собака назорейская! – вскочив с места, закричал иудей, сидевший рядом с ним, и схватил его за горло.

– Смерть нечестивцу! – крикнул другой.

– Назореи – вот вся причина наших бедствий, – закричал третий. – Разве не из-за них император Клавдий выгнал иудеев из Рима? А при Нероне разве не тысячи наших братьев погибли только потому, что их считали назореями?

Эти слова мгновенно воспламенили все собрание, доведенное уже до высшей степени напряжения речью раввина. Появилась жертва, на которую можно было излить свою ярость.

Солдаты, услышав шум, с обнаженными мечами ворвались в собрание, однако, прежде чем они успели пробраться сквозь теснившуюся толпу, юноша уже лежал на земле, обливаясь кровью.

Под охраной преторианцев христиане вынесли его из синагоги.

– Я умираю за Иисуса, моего Господа и Бога, – это были последние слова, с которыми он скончался на руках братьев.

Трибун, командовавший отрядом, тотчас же произвел строжайшее расследование. Но когда выяснилось, что беспорядок не имел отношения к римской власти, он не придал ему никакого значения. Что могла значить смерть одного иудея, убитого своими же соплеменниками, когда тысячи их погибли от меча римлян? Он ограничился только тем, что велел разогнать собрание, и солдаты вытолкали из синагоги кричавших людей.

* * *

В то время к числу наиболее знатных римских дам принадлежала вдова Понпония Грецина. Ее муж Авл Плавт к старинной славе семьи прибавил новую – при императоре Клавдии покорил Британию и получил за это триумф.

В глазах римлян Помпония Грецина была совершенно особой женщиной. После смерти мужа, при ее молодости и богатстве она могла бы сделать выбор из знатнейших мужчин римской аристократии. Однако Помпония не только отклоняла всякую мысль о новом супружестве, но и по истечении годичного траура стала вести жизнь строго уединенную, никогда не появлялась в обществе, избегала театра и публичных празднеств, всегда была одета в траурное платье. В высших кругах об этом много говорили. По тогдашним обычаям римская дама, оказавшаяся вдовой, выходила замуж вновь через два-три месяца или, отказываюсь от вторичного супружества, с тем большей свободой отдавалась наслаждениям жизни. На имени же Грецины не было никакой тени, никакого пятнышка; кто мог понять это? Но что еще было менее понятно – это то, что она избрала местом своего погребения не семейную гробницу рядом со столь дорогим для нее супругом, а устроила себе склеп близ Аппиевой дороги.

К нему в тот вечер, когда произошло убийство в синагоге, Помпония Грецина и направилась в закрытых носилках. Множество народа, пешком и верхом, на носилках и в колесницах, направлялось в город, и, потому ее носилки медленно подвигались вперед. По обеим сторонам дороги направо и налево возвышались надгробные памятники знатнейших фамилий Древнего Рима; пышные памятники стояли вместе с более скромными, вокруг каждого находилась площадка, усаженная цветами.

Через полчаса носилки остановились, и Помпония Грецина поднялась по ступенькам мраморной лестницы, направляясь к небольшой двери простой постройки, надпись над входом которой гласила, что здесь помещается фамильный склеп Помпонии.

Стоявшие у памятника почтительно поклонились госпоже, которая ласково ответила на приветствие.

– Пресвитер Дионисий еще не пришел? – спросила она.

– Он ждет внутри в гробнице, – отвечал один из стоявших.

Грецина вошла во внутреннее помещение памятника, на стенах которого изображены были сцены жатвы и сбора винограда, и спустилась по узкой лестнице, ведшей в небольшой четыреугольный склеп под землей. Направо и налево по стенам находились мраморные доски с надписями, показывавшими, кто здесь погребен; направо в стене приготовлено было место для нового погребения. Потолок этого внутреннего помещения украшен был изображениями павлинов, поддерживавших венок, по углам изображены были два пастыря с агнцами на плечах и две молящиеся девы с воздетыми руками; а посредине два льва со стоявшей между ними мужской фигурой тоже с воздетыми руками. На стенах среди мраморных досок видны были голуби с пальмовыми ветвями; на одной картине изображалось, как бросают с корабля мужчину морскому чудовищу, на другой же, как это чудовище извергает его обратно на землю.

Несколько глиняных светильников мерцающими огоньками слабо освещали склеп.

– Ты давно дожидаешься, отец? – спросила Помпония Грецина, поклонившись пресвитеру.

– Если мне и пришлось ожидать, благородная Люцина, – отвечал он, – то эти изображения никогда не позволят соскучиться. Тем, которые не имеют никакой веры во Христа, не дано и никакой надежды за гробом. Нам же, например, это изображение Даниила во рве львином, равно как и изображение Ионы во чреве китовом, возвещает избавление от уничтожения и смерти и вечную жизнь, когда добрый Пастырь вознесет души праведных, как этого агнца, в цветущие райские кущи для мира и успокоения.

– Это успокоение дастся и нашему прекрасному юноше, – ответила Грецина.

– То была святая ревность, – сказал пресвитер, – которая побудила его пред братьями своими по племени открыто свидетельствовать о Христе. Они сделали с ним то, что некогда сделали и с Учителем.

– И я, опасаясь, что они откажут ему в месте для погребения среди своих братьев, устроила могилу в моем склепе. Не правда ли уютное место?

– Это не первый, благородная Люцина, – улыбаясь, отвечал пресвитер, – которому ты даешь прибежище в этом тихом доме мира!

– Чем же можно лучше украсить то место, в котором буду покоиться некогда и я, – воскликнула Грецина – как не гробами бедных братьев, тем более что они умерли мучениками? Прошу тебя, отец, – сказала она пресвитеру, – пройти в новую пристройку, к гробнице; я хочу посоветоваться, какими изображениями лучше всего украсить там потолок.

Они вышли наверх и направились к пристройке. Не сколько человек, стоявшие у склепа, поклонившись пресвитеру, продолжали негромкий разговор. Предметом его служила Люцина.

– Вы спрашиваете; как госпожа сделалась христианкой? – проговорил один из них. – Дело это, разумеется, устроилось тайно, так что только наиболее близкие к госпоже могли знать о ее решении. Мне передавали, что, когда муж ее находился в Британии, она случайно услышала

проповедывавшего в то время в Риме апостола Павла. Вначале она не придала значения речам апостола, но впоследствии, все более и более задумываясь над ними, решила принять христианство. Да и в самом деле, как можно было не принять святой истины, исходившей из уст великого апостола? И она, дочь сенатора, жена одного из славнейших полководцев Клавдия, еще до возвращения мужа стала христианкой! Лишения похода, – продолжал он, – подорвали здоровье Плавта, и не прошло и года, как он сошел в могилу. Конечно, не было недостатка в таких, которые пожелали предложить руку молодой, богатой и знатной вдове. Но она отвергла все предложения, сказав, что твердо решила не выходить еще раз замуж. Между прочим, к отвергнутым ею принадлежал и некто Латеран. Возмущенный отказом, он не прекращал своих преследований и узнал, что Помпония Грецина христианка. Он оказался столь низок, что обвинил ее в противном государственной религии суеверии и представил ее на суд.

– За что, – заметил один из окружающих, – он понес при Нероне вполне заслуженную кару.

– Дело дошло до верховного суда, в состав которого входил и прославленный Сенека. Сенека лично знал нашу госпожу и еще до доноса имел случай убедиться, что она привержена к христианству. Будучи в дружбе с императором Клавдием, он посоветовал ему предоставить дело семейному суду. Семейный Суд производился тайно, и потому о последствиях его никому не было известно. Говорят, Помпония защищала себя сама. Она не отвергала того, что она христианка, но христианская религия тесно связана с иудейской. Иудеи же еще со времен Августа получили позволение придерживаться своей религии, и если им предоставлено было право вместо римских богов признавать другого Бога, то и она имеет право делать то же.

– И что же, судьи приняли ее объяснение?

– Они долго обсуждали это дело, но действительно не было такого закона, который бы запрещал римлянам переход в иудейство, и Помпония Грецина была освобождена. Однако смотрите: кажется, подходят носильщики с покойником.

С наступлением сумерек движение на Аппиевой улице почти прекратилось Несколько запоздавших пешеходов, увидев носилки с покойником за которым шел одинокий старик, подавленный горем, по-видимому, отец покойного, боязливо отошли в сторону.

Люди, ожидавшие у гробницы, приняли носилки и внесли покойника во внутреннее помещение. Пресвитер Дионисий и Люцина, услышав, что принесли покойника, поднялись наверх и, встретив гроб при пении псалмов, и чтении молитв, спустились в нижнее помещение. Пока люди укладывал тело в приготовленную нишу, Люцина старалась успокоить безутешного старика отца. Когда, наконец, покойник, обвитый по иудейскому обычаю белыми пеленами, положен был в узкое ложе, Люцина вылила на него немного благовонного масла. После этого отверстие было плотно закрыто мраморной доской, а края его тщательно замазаны известью. Люцина взяла пальмовую ветвь и венок и прикрепила их над могилой в знак мученичества усопшего и того, что его ожидает в будущей жизни вечное успокоение, как исповедника Христова.

Когда пресвитер Дионисий окончил чтение молитв, все присутствовавшие произнесли "Мир с тобою" и оставили гробницу, чтобы возвратиться в город.

III

У римлян существовал обычай, по которому те, кто желал в первый раз увидеть господина или госпожу, являлись к ним с утренним приветствием.

Иосиф Флавий знал Беренику еще в Иудее, и, хотя она ему не нравилась свой гордостью, однако, рассудив, что теперь она могла оказать ему содействие при дворе, он решил на другой день после своего прибытия в Рим навестить ее. После этого он рассчитывал осмотреть город и его достопримечательности, а затем посетить своего старого друга, верховного раввина, жившего в иудейском квартале. Для утреннего приветствия каждый должен был являться в праздничной белой тоге, но Иосиф Флавии, со времени разрушения Иерусалима, носил лишь траурную черную одежду. Привратник, стоявший у входа во дворец, грубо остановил Иосифа, тем более что сразу узнал в нем иудея.

– В таком наряде, – сказал он, – можно ходить лишь к старым иудейкам, которые торгуют фитилями для светилен.

Даже когда Иосиф сунул ему монету, он не изменил своего решения; тем более что вскользь брошенный на монету взгляд показал, что она не очень высокого достоинства.

– Ты, очевидно, – сказал он презрительно, – пришел к царице просить денег. Но вас столько тут шатается, что сам Крез разорился бы, если бы стал всем давать.

В этот момент из атрия вышел человек, по лицу которого можно было заключить, что он иудей. Так как привратник с особенной почтительностью поклонился ему, Иосиф обратился к нему на своем родном языке и, назвав себя выразил желание поговорить с царицей.

– Твое имя, благородный Иосиф, – ответил вышедший, склоняясь в низком поклоне, – известно и прославляется везде, где только есть дети Израиля. Я сочту для себя высокой честью проводить тебя к царице.

С этими словами он сделал знак привратнику и повел Иосифа через атрий.

Незнакомец, встретивший Иосифа, был богатый ростовщик Самуил, имевший попечение о денежных делах царицы. Он только что ссудил царице значительную сумму, так как она нуждалась в деньгах и больших деньгах, чтобы затмевать нарядами богатейших римлянок.

Береника вышла к Иосифу в белой изящной тунике и он мог еще раз убедиться, что более красивой женщины ему никогда не приходилось видеть.

Царице известно было его влияние на Тита, и она постаралась быть с ним предупредительной. Любезно осведомившись о его путешествии, она прибавила:

– Ты увидишь, какие приготовления делаются к предстоящим празднествам, – приготовления к погребению нашего народа. Мне кажется, порой я готова испытывать такое же состояние, как некогда Ниобея, которая при виде смерти всех своих детей превратилась в камень.

Иосиф испытующе посмотрел на царицу: искренни ли были ее слова и действительно ли горе, постигшее иудеев возбудило в ней чувство единения с народом иудейским.

Береника, казалось, поняла его мысли.

– Раньше, – сказала она, – мне многое не нравилось в нашем народе: эти вечные споры между фарисеями, саддукеями и назареями были просто несносны. Но теперь я думаю лишь об ужасной судьбе моего несчастного народа.

– Я узнал от привратника, что ты много делаешь для своих собратьев, – отвечал Иосиф.

– Нужда целого народа волнует меня больше, чем нужда отдельных лиц, – сказала Береника. – Когда-то Господь призовет новую Эсфирь, которая избавит своих братьев?

Иосиф вопросительно посмотрел на царицу: правильно ли угадал он ее мысль? Да, все дело в Тите: он тот, который был единственным виновником разрушения Иерусалима; но Иерусалим опять может быть восстановлен, если у Тита появится новая Эсфирь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.